

Глеб Иванович Успенский

«Пока что»

Глеб Иванович Успенский

«Пока что»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=666035*

Аннотация

«...очерк не появился в печати потому, что тема его – о новом циркуляре в области просвещения – была запрещена цензурой. Циркуляр министра народного просвещения И. Д. Делянова от 18 июня 1887 года, составленный в интересах дворян и буржуазии, был направлен к ограничению доступа в классические гимназии и прогимназии детям лиц неимущих сословий. При отборе учащихся предписывалось руководствоваться материальным положением родителей, поэтому вместе с прошением о приеме ребенка в гимназию требовались сведения о сословии, образовании, роде занятий, размере жалования, размере квартиры, количестве прислуги и т. д. от родителей поступающего...»

Содержание

1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Глеб Иванович Успенский

«Пока что»

1

...Пока неторопливый поезд Волго-Донской железной дороги совершал обычный трехчасовой переезд между Царицыным и Калачом, я, единственный пассажир второго класса, имел полную возможность предаваться всякого рода размышлениям: собеседников и спутников, которые бы развлекали меня своими разговорами, не было, а голая пустыня местности, кое-где только оживленная небольшими хуторами и зелеными лоскутиками арбузных плантаций среди рыжих, сожженных солнцем полей, — как нельзя лучше соответствовала скромнейшему течению моих мыслей, так же, как и эти выжженные поля, лишенных всякой живой яркости и выразившихся примерно в такой окончательной форме: «Коли тебя бог убил — то уж молчи, — даже лучше — лежи и молчи! По Болгариям не суйся и отечества своего не конфузь, а знай, что ежели ты, «пока что», и в ничтожестве и притом не без синяков, то все эти несчастья не суть результаты какой-нибудь враждебной против тебя системы — нет! о тебе, о твоей личности пока никто еще не думал; никто еще не думал ни обижать тебя, ни радовать, — а если ты и

получаешь пинки и случайные увечья, так это без всякого определенного направления, как на толкучке или при театральном разъезде... О тебе, о твоей личности, о твоих синяках и о скорбях по поводу разных увечий, получаемых тобою вообще без всякой системы, можно будет *начать* (только начать!) думать, когда, наконец, увенчается здание, – а до тех пор ни о тебе никто не будет думать, да и тебе самому думать о себе решительно бесполезно; за работой над зданием и его увенчанием – ты сам, как единица, ровно ничего не означаешь, и тебе остается жить кой-как, «пока что», собственными средствами изворачиваясь и ускользая от пинков и случайных увечий, неизбежных в суматохе большого дела, момент окончания которого никому неизвестен, но которое, однако, во что бы то ни стало должно быть совершено и закончено. Таким образом, соваться тебе к людям, которые *уже* живут и которые хотят сами об себе думать и сами для себя делать, – тебе, живущему «пока что», не следует, не к лицу – только осрамишься... Иди поэтому туда, где тебе и быть надлежит, в глубину живущей «пока что» миллионной толпы обывателей собственного твоего отечества и там уже справляйся кое-как, как бог приведет, живи изо дня в день, зная опять-таки, что все это «пока что», – а что в конце концов, «надо быть», из всего этого выйдет же и «увенчание».

Размышления мои о том, что жить приходится единственно в пределах «пока что», были совершенно ясны и определены. Понимал я также совершенно ясно, что если в конце

концов будет же, наконец, и «увенчание», – то претерпеть «кое-какую» жизнь, пожалуй, можно: было бы из-за чего; но неясно было для меня самое это «увенчание», то есть то самое, из-за чего приходится жить «кое-как» и «пока что»... Знал я, что под словами «увенчание здания» надобно понимать ни более, ни менее, как созидание «третьего Рима»¹, и для собственного успокоения на этом решении мне бы и следовало покончить: «дожидайся (каналья!) третьего Рима, а «пока что» молчи и изворачивайся – «как бог приведет»!» Коротко и ясно. Но времени в дороге было так много, что я позволял себе мечтать и о прежних Риме, и вследствие этого невольно задумывался и над третьим: был, думалось мне, один Рим, – но в конце концов от него остались груды камня, ямы с мусором, кажется какие-то судебные уставы да куча маленьких мальчишек, которые пляшут из-за куска хлеба на одной ноге и поют мандолину... Был и другой Рим, от которого осталась тоже куча всякого старого каменного хлама, а то, что еще держится, рано или поздно непременно должно развалиться и рассыпаться прахом; остались после этого второго Рима не мальчишки, поющие и пляшущие из-за хлеба, а какие-то странные существа, напоминающие по виду черных тараканов, люди неизвестного типа, жирные, лосня-

¹ Теория «Москва – *третий Рим*» возникла в XV веке, когда в связи с разгромом турками Византии пал Константинополь, считавшийся «вторым Римом», в то время как русское государство во внутренней и внешнеполитической жизни быстро мужало. В 80-е годы XIX века эта теория возродилась в реакционно-правительственных кругах России.

щиеся, неповоротливые, могильно-молчаливые и загнипнотизированные копейкою серебром почти в мертвый сон... Кажется бы, довольно и двух великих ям с великими хламами? Ведь живые народы, которые ушли от этих развалин, не идут к ним обратно и не мечтают о реставрировании великого исторического мусора? Истратив себя в течение целых веков в незамиравшем ни на одно мгновение искании познания добра и зла, измученные и истерзанные борьбою, но уже добывшие для человека несметную массу материальных и духовных оборон, – ведь не к «созиданию» мусорных великолепий идут они, а к тому, чтобы успокоить и выпрямить душу современного, измученного труженичеством, человека... Не о третьем Риме, а о каких-то трех акрах земли на человека² возникает живая забота среди живых людей, забота, говорящая о праве *жизни*, полной и облегченной знанием для всякого человека, – забота, повидимому, маленькая, но забота «о человеке», забота живая, оживляющая мысль человеческую, а не останавливающая ее развития, не расплющивающая человеческую личность, как расплющивает ее неопределенная, пугающая огромностию и одновременно холодом таинственности идея какого-то третьего Рима, когда и от двух первых осталось так много мусорных ям. Не приятнее ли было бы и нам идти вместе с живыми людьми к живым простым и справедливым для человека целям? Нау-

² ...*трех акрах земли*... – см, примечания к очеркам «Письма с дороги» (стр. 642 настоящего тома).

кой добыто пропасть всякого добра, добыто именно для человека, для того, чтобы ему было лучше жить, – не начать ли и нам нашу жизнь и нашу задачу с искренней и простой заботы о человеке: надо же ведь ему когда-нибудь отдохнуть мало-мальски? И неужели эта забота так неинтересна сравнительно с томительным ожиданием (долго, ужасно долго и так уже ждали!) того счастливого момента, когда чудовские певчие³ получают даровые билеты в новый Рим на «открытие», хотя бы даже и с угощением?

В былое время я бы, вероятно, очень размечтался на эту тему, но опыт жизни постепенно, «по-малу, по-полсаженки», привел меня к тому, что мечтания мои сами собою, как по команде, стали прекращаться моментально, дойдя до мысленного вопроса: «Неужели же мы?..» Теперь, как только я домечтаюсь до этого вопроса, во мне мгновенно прекращается всякая умственная деятельность, и я сразу перехожу к окончательному выводу, воспитанному во мне опытом последних дней, и говорю себе: «Дождись (канналя!) третьего Рима, а пока что – лежи и молчи, коли бог убил!» Существеннейшею причиною такой законченности в моих мыслях, помимо вообще продолжительного житейского опыта, была в особенности последняя моя поездка по Дунаю. Едва прикоснувшись к жизни, не имеющей ровно-таки ничего общего с томительными ожиданиями, так долго угрожающими чудовских певчих, и в то же время с поразитель-

³ Чудовские певчие – московский хор Чудова монастыря.

ную ясностью увидев и то, что и сам-то я поставлен судьбою в условия жизни именно той, которая имеет получить свое *начало* только после исполнения желаний чудовского хора, — я уж решительно не смел позволять себе никаких мечтаний по вопросу о том: «неужели же мы?» и т. д. «Не суйся!» стало для меня обязательным и мало-помалу развилось и окрепло в формулу: «живи... пока что!..» Только под влиянием этой скромнейшей формулы жизни «изо дня в день» я и предпринял другую — в нынешнем году — поездку, не только не имеющую каких-либо определенных целей, но даже (как мне стало казаться в последнее время) и не смеющую иметь их, конечно... «пока что»... Минуя Москву (там, пожалуй, можно разговориться и понапрасну обеспокоить себя), я, «тихим манером», свернул с Болотова на Рыбинск, незаметным образом ускользнул с вокзала на пароходик — и потихонечку, едва-едва прикасаясь бортами парохода к берегам и пристаням, добрался до Царицына, а оттуда, один в пустом вагоне, по пустой степи, приплелся и в Калач, место самое подходящее к моему настроению: ни город, ни деревня, а так что-то не производящее ровно никакого впечатления. Стоят на берегу домики, кое-как сколоченные и кое-как поставленные: то два рядом, то один против другого, то один к другому задом, то просто стоит один домишко, стоит там, где вздумалось... Словом, место никаких впечатлений не возбуждает и ни на какие размышления не наводит, напротив, даже успокаивает и освобождает от всяких впечатлений и размышле-

ний... Не приковало оно к себе моего внимания, и я прямо с вокзала пошел на пароход... Пароходы здесь стоят в узенькой речке, впадающей в Дон, — это своего рода гавань Дона. Тихо здесь, покойно... Гуси свободно плещутся у пароходного колеса, даже куры, кажется, сидят на нем, как на насесте; оно, колесо это, прямо притиснулось к берегу, и с берега на пароход для ходьбы положена простая тесовая доска... Впрочем, есть и пристань, на которую я и направился, — там парохода не оказалось.

— Ведь сегодня вторник, — сказал я, — а в объявлении сказано, что пароход идет по вторникам и субботам?

— Он ушел ночью с понедельника на вторник.

— Стало быть, ждать до субботы?

— Точно так!

Хотел было я испугаться этой перспективы, — но новое настроение моих мыслей удержало меня от такого малодушия.

«До субботы, так до субботы!» — сказал я себе безропотно и сел на чемодан.

Из-за крутого противоположного берега светил месяц спокойно и ярко. Утка где-то громко кричала... Совершенно спокойно и я сидел на чемодане.

— Да вам бы, пока что, в ресторане побыть покамест? — присоветовал мне добрый человек.

«Что ж? — подумал я. — «Пока что» побуду и в ресторане».

Ресторан оказался прелестным. Он устроен на воде. На барже выстроено несколько комнаток для приезжающих и

при них порядочных размеров общее зало с буфетом. Тихо, чисто, опрятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.